

10. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.

11. Штомпка П. Доверие в эпоху глобализации // Социальная политика и социология. 2006. № 4. С. 8–15.

* * *

1. Glushko I.V. Dialektika doveriya i soglasiya v sotsialnom diskurse // Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya. 2010. № 2. S. 44–52.

2. Glushko I.V. Ponyatiynaya dihotomiya «doverie-nedoverie» v kontekste multimetodologii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 6.4.2. S. 53–56.

3. Glushko I.V. Sotsialnoe doverie v kontekste modernizatsii obschestva // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 5.4.1. S. 24–27.

4. Grozdilov S.V., Ivanov V.A. Spravedlivost kak ob'ekt poznaniya politicheskikh nauk // Vestn. APK Verhnevolzhya. 2012. № 1(17). S. 75–80.

5. Zaboltnaya G.M. Fenomen doveriya i ego sotsialnyie funktsii // Vestn. RUDN. Ser.: Sotsiologiya. 2003. № 4–5. S. 79–85.

6. Levada Yu.A. Mehanizmy i funktsii obschestvennogo doveriya // Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnyie peremeny. 2001. № 3. S. 7–12.

7. Moskvina L.B. Vlast i obschestvo: problema doveriya // Vlast. 2011. № 9. S. 7–10.

8. Oganezova R.M. Doverie k vlasti: sovremennost i postsovremennost // Filosofiya prava. 2008. № 2. S. 65–68.

9. Porshnev B.F. Sotsialnaya psihologiya i istoriya. M. : Nauka, 1979.

10. Fukuyama F. Doverie: sotsialnyie dobroteli i put k protsvetaniyu: per. s angl. M. : AST: AST MOSKVA, 2008.

11. Shtompka P. Doverie v epohu globalizatsii // Sotsialnaya politika i sotsiologiya. 2006. № 4. S. 8–15.

Trust and justice: dependence of the notions of justice on public trust

There is considered the correlation of trust and collective notions of justice. There are determined the functions of trust in social and political and economic processes. There are suggested and described the manipulative ways of influence of state on public trust.

Key words: *trust and justice: dependence of the notions of justice on public trust.*

(Статья поступила в редакцию 21.10.2013)

А.В. СЕНКЕВИЧ
(Воронеж)

СТРАДАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И СТРАДАНИЕ МИРА: СВЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ

Характеризуется связь индивидуального и общечеловеческого страдания с позиций светской философии. На примере нескольких учений европейских и русских мыслителей выявляются главные принципы в решении проблемы страдания: активная практическая деятельность, сострадание и ответственность.

Ключевые слова: *страдание, этика, счастье, религия, светская философия.*

*Когда б страдал лишь я – с единством разобщенный...
Но каждый зверь, на жизнь безвинно осужденный,
Все существа, приняв законы бытия,
Безрадостно живут и встретят смерть, как я.*

Вольтер

Если личное страдание выступает неотъемлемой частью и выражением незавершенности человеческого проекта, а рефлексия над ним приводит к размышлениям об индивидуальной судьбе, то переживание и осмысление всеобщего, мирового страдания – удел лишь некоторой части человечества, тонко чувствующих и глубоко мыслящих его представителей. Разнообразные религиозно-философские концепции вынуждены вырабатывать теодицеи, чтобы снять вину с высшего начала за столь несовершенное его творение и выявить скрытый смысл происходящего. Для светских философских учений или, по крайней мере, тех, в которых высшее начало рационализировано, проблема еще более заостряется. Как примирить индивида со злом, несправедливостью и бессмысленностью действительности? Где человеку найти силы для самоутверждения среди мировой боли и агонии? Как сохранить рассудок в бессильном желании спасти и защитить всех страдающих? В данной статье мы обратимся к отдельным философским учениям, в которых, несмотря на разницу эпох и традиций, сделаны попытки разрешить эти вопросы, не прибегая к теистическим взглядам.

Так, отдельные мыслители эпохи Просвещения впервые в европейской философии открыто обозначили свой разрыв с религиозной картиной мира. Проецируя собственные колебания между деизмом и атеизмом на тему страданий, Вольтер создал «Поэму о гибели Лиссабона». Мыслитель детально описывал и подчеркивал мучения невинных людей, критикуя традиционные религиозные объяснения человеческих страданий совершенными грехами:

*Истерзанных детей и женщин без числа,
Разбитым мрамором сраженные тела;
Сто тысяч бледных жертв, землей своей распятых,
Что снят, погребены в лачугах и палатах.*

<...>

*Детей, грудных детей, в чем грех и в чем вина,
Коль на груди родной им гибель суждена?
Злосчастный Лиссабон преступней был ужели,
Чем Лондон и Париж, что в негах закоснели?*

[1, с. 531–532].

Вольтер отвергал и другие возможные теистические аргументы, с помощью которых этой трагедии мог бы придаваться смысл:

*Иль Бог казнит людей, виновных от рожденья,
Иль этот властелин пространства и творенья,
Без гнева, без любви, бесстрастно служит сам
Тому, что завещал стремительным векам;
Иль слепо на Творца материя восстала,
Необходимый грех лелея изначала;
Иль нас пытается Бог, и смертный этот дом –
Лишь узкий переход пред вечным бытием?*

[1, с. 533].

Философ не принимал ни наивный оптимизм Лейбница насчет «лучшего из возможных миров», ни возвышенные фантазии Платона о человеческой судьбе. Позиция Вольтера – это реалистичная оценка жестокой действительности и надежда на лучшее будущее, которое может осуществиться усилиями людей.

*Все может стать благим – вот наше упованье.
Все благо и теперь – вот вымысел людской*

[Там же, с. 535].

Единственное, что может изменить мир к более совершенному состоянию, – это практическая деятельность каждого человека ради своей и общей пользы в соответствии с его

способностями, что Вольтер образно выразил знаменитой фразой: «Надо возделывать наш сад!».

Выдающийся гуманист XX в. А. Швейцер, будучи изначально теологом, создал свою этическую систему, отчетливо понимая, что «бесполезно повторять нравственные заповеди Иисуса и утверждать, что в конце концов они завоевуют всеобщее признание» [5, с. 126–127]. Действенная мораль должна согласовывать веления сердца и факты, очевидные для разума.

Одним из таких исходных фактов является нескончаемое зло и страдание в мире, которым подвержены все живые существа. Многие люди погрязли в равнодушии и не замечают этого, другие видят, но стараются не омрачать свою повседневную жизнь чужими бедствиями. И только некоторые ощущают страдание мира как свое собственное, культивируя в себе подлинную нравственность. «Тот, кто пережил в себе боль мира, уже не будет счастлив простым человеческим счастьем. В часы досуга, отдыхая от забот, он не сможет до конца предаться безмятежной радости, ибо та боль, которую он пережил, всегда с ним. Страдания, свидетелем которых он некогда был, не покидают его» [6]. Для нравственного человека мучительно осознание своей беспомощности перед превосходящими его усилиями страданиями других – людей и животных. Вот тогда, по мысли философа, возникают искушения: равнодушие, пассивность, эгоизм. Преодолеть их помогает активная жизненная позиция, связанная с утверждением и поддержанием блага для других живых существ.

Благоговение перед жизнью, по Швейцеру, – это главный принцип, начало и критерий нравственности. Бесконечность, непостижимость, величие и хрупкость окружающего мира, открывшиеся в познании, приводят человека к сопереживанию и состраданию всякому иному бытию, в котором он обнаруживает часть себя. Тот, кто этого не испытал, обладает лишь поверхностной нравственностью, и она легко может быть отброшена. Швейцер видел в этом беду своих современников, но, к сожалению, и нынешние поколения не избавлены от нее.

Нравственный человек в полной мере осознает свою зависимость от внешних событий, но при этом не отступает пассивно перед ними, а ищет возможность осуществления своих высших принципов. При этом все превратности судьбы не разрушают, а углубляют его духов-

ность. Возникает реалистичная этика, адекватная миру, с которым человек составляет одно целое. Любая жизнь в этом мире для него ценна и значима. Он делает различия только тогда, когда конкретная ситуация требует пожертвовать одной жизнью ради другой, и всегда принимает на себя всю ответственность за выбор между большим и меньшим злом.

Мыслитель открыто заявлял о своем пессимизме в оценке морального состояния современного ему человечества и в то же время выражал оптимизм по отношению к будущему. Воздействуя словом и делом на жизни и поступки людей в мире, охваченном болезнями, жестокостью, равнодушием, он действовал с твердым убеждением, что «каждому из нас позволено кое-что уменьшить в этом страдании» [4, с. 34]. Способность сопереживания, в свою очередь, дает человеку возможность радоваться вместе с другими спасенной жизни, облегчению страданий, поддержке единомышленников. «В мире мало счастья, но сопереживая его вместе с другими и присовокупляя к нему добро, которое мы творим, мы обретаем то единственное счастье, делающее жизнь достойной того, чтобы жить» [6].

Философия экзистенциализма снимает остроту вопроса о предпочтительности светского или религиозного мировоззрения, она сама представлена в обоих вариантах. Это существенно в наше время, когда толерантность к иным взглядам, традициям, ценностям стала жизненной необходимостью. Религиозность и атеизм примиряются в данном учении требованием активности и ответственности человека. Видит ли он в объективных условиях своей жизни случайность или знак свыше («шифр»), выбор интерпретации и ответа все равно остается глубоко личным делом, а дальнейшая жизнь становится расплатой независимо от того, Бог или суд совести являются для него высшей инстанцией.

Заброшенность и одиночество человека в мире – исходная идея экзистенциализма. По мысли А. Камю, людям следует взять на себя всю ответственность за происходящее и вступить в борьбу с «бредом истории». Это означает требование человеческой солидарности, утверждение высших ценностей вопреки их попранию: «...вместо того, чтобы убивать и умирать во имя созидания бытия, каковым мы не являемся, мы должны жить и животворить ради созидания того, чем мы являемся» [2, с. 314].

В конечном счете индивид, строящий свою судьбу в чуждом и абсурдном мире, дол-

жен считаться с интересами других, но к этому его обязывает не высшая мораль, которой не существует, а подлинный бунт, бунт против мира несчастий. Ничто не гарантирует успешности этих действий. Значит, нужно действовать без надежды на успех, так, как если бы поставленная цель с необходимостью осуществилась в будущем. Мужество и достоинство человека в том, чтобы продолжать жить и утверждать счастье и справедливость для себя и других. По мысли А. Камю, быть счастливым одному стыдно, таким образом, человек оказывается сопричастным общей судьбе группы, народа, человечества. Эта идея актуальна в эпоху глобализации, когда индивидуальная ответственность за выбранные ценности особенно возросла.

Глубокие и оригинальные размышления советского философа Н.Н. Трубникова также во многом посвящены проблеме личного и мирового страдания. «Человек в муках рождается, в слезах вырастает, в страхе проводит свои дни, в поте лица трудится, в грязи заканчивает жизнь, испытав очень мало коротких радостей и очень много, никак не меньше, чем в меру своих надежд, а часто и много больше этой меры, разочарований и горя, чтобы в конце концов предстать пред лицом неминуемой и неумолимой смерти, на которую был обречен с самой первой минуты своего бытия» [3].

По мысли Трубникова, людям важно осознать, что абсурдность, трагичность, жестокость жизни не исчерпывают ее полностью, они как раз указывают на существование собственных противоположностей. Сдаться перед лицом испытаний, отказаться от жизни – преступление перед поколениями своих предков, поэтому нужно принять и полюбить свою единственную жизнь, действуя и наполняя ее смыслом каждый день. Только тогда человек будет способен по-настоящему ценить и уникальную жизнь любого другого существа. «Значит, можно и нужно трудиться сегодня и всякий день жизни, ибо, как прошлое посеяло семена тех плодов, которые мы с радостью или отвращением вкушаем сегодня, так и будущее <...> родит лишь то, семена чего будут выбраны и посеяны сегодня...» [Там же].

Итак, светская философия применительно к мировому страданию отказывается от мучительного и неразрешимого вопроса: «За что?». Формирование и отстаивание собственного Я связывается здесь не только с мужеством в преодолении личных страданий, но и с упорной деятельностью, осознанием общности всего живого, чуткостью и сопереживани-

ем. Нравственная и практическая задача человека – максимально приложить усилия для совершенствования мира на своем уровне. Она бывает крайне сложна, ее результат не гарантирован, но сотворенное благо становится наградой и счастьем в земной жизни.

Литература

1. Вольтер. Философские сочинения. М. : Наука, 1996.
2. Камю А. Бунтующий человек. М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999.
3. Трубников Н. О смысле жизни и смерти [Электронный ресурс] // Реквием. Ru: сайт. URL : <http://www.requiem.ru/life-and-death/doc31>.
4. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М. : Прогресс, 1992.
5. Швейцер А. Этика сострадания // Человек. 1990. № 5. С. 126–133.
6. Швейцер А. Этика сострадания. Проповеди 15 и 16 [Электронный ресурс]. URL : http://rozamira.org/lib/names/sh/schweitzer_a/sermon.htm.

* * *

1. Volter. Filosofskie sochineniya. Volter. M. : Nauka, 1996.
2. Kamyu A. Buntuyuschiy chelovek. M. : TERRA – Knizhnyiy klub; Respublika, 1999.
3. Trubnikov N. O smysle zhizni i smerti [Elektronnyiy resurs] // Rekvium.Ru: sait. URL: <http://www.requiem.ru/life-and-death/doc31>.
4. Shveytser A. Blagogovenie pered zhiznyu. M. : Progress, 1992.
5. Shveytser A. Etika sostradaniya // Chelovek. 1990. № 5. S. 126–133.
6. Shveytser A. Etika sostradaniya. Propovedi 15 i 16 [Elektronnyiy resurs]. URL : http://rozamira.org/lib/names/sh/schweitzer_a/sermon.htm.

Human suffering and world suffering: temporal philosophy about solving the issue

There is characterized the connection of the individual and worldwide suffering from the positions of temporal philosophy. By the example of some doctrines of European and Russian thinkers there are revealed the main principles in solving the issue of suffering: active practical work, sympathy and responsibility.

Key words: *suffering, ethics, happiness, religion, temporal philosophy.*

(Статья поступила в редакцию 21.08.2013)

А.В. ПЕТРОВ
(Волгоград)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Н.Х. БУНГЕ

Проанализирована одна из наименее изученных проблем развития российской общественно-политической мысли – концепция Бунге по правам человека – в контексте эволюции российской общественно-политической мысли второй половины XIX в. и его программы модернизации России.

Ключевые слова: *права человека, общественно-политическая мысль, либеральная бюрократия, либеральная общественность, консервативный лагерь, модернизация.*

Проблема прав человека в российской общественно-политической мысли, на наш взгляд, изучена недостаточно хорошо. Долгие годы данную концепцию рассматривали как составную, а нередко и как второстепенную часть оппозиционного и особенно революционного движения в России. Развитие общественно-политической мысли в рамках консервативного лагеря чаще всего отрицалось либо отмечались ее реакционность и отсталость. Тем не менее необходимо отметить, что создание своеобразных российских концепций гражданского общества и прав человека начинается, как и в других европейских странах, под воздействием идей просвещения уже в XVIII в.

При этом уже со второй половины XVIII в. намечились две основные линии в подходе к данным проблемам. Первая, демократическая, берет начало с идей Н.И. Новикова и А.Н. Радищева, вторая, либерально-консервативная, – с «Наказа...» и Жалованных грамот Екатерины II. Идеи гражданского общества и прав человека развиваются в течение всего XIX в. [6]. Более того, они получают широкий общественный резонанс через классическую русскую литературу. Во многом благодаря поднятию в ней глубочайшего пласта данных проблем мы сегодня и говорим о «золотом веке» русской культуры.

Несмотря на недостаточное внимание к теориям оппозиционного лагеря под интересующим нас углом зрения, общее направление развития взглядов представляется доста-